

Игнатий Потапенко

Шпион

Записки старого студента

Игнатий Потапенко

Шпион

«Public Domain»

1899

Потапенко И. Н.

Шпион / И. Н. Потапенко — «Public Domain», 1899 — (Записки старого студента)

« – Скажи, пожалуйста, у тебя, кажется, большая дружба с этим господином?– С каким господином? – спросил я, совершенно не поняв, кого он понимает.– Ну, с этим... С Литвицким.– Дружбы нет... Я слишком мало знаю его. Но, вообще, у нас с ним хорошие отношения.– Это странно.– Почему же странно?– Потому что Литвицкий человек подозрительный.– Как подозрительный?– Да так, просто вот, подозрительный да и только.– Я не понимаю.– Так ты спроси других. Говорят даже, что он шпион.».

Игнатий Николаевич Потапенко

Шпион

Литвицкий был на третьем курсе, когда я поступил в университет.

Я приехал из далёкой провинции и не знал ни души. Мои товарищи поступили в другие университеты. Случилось так, что Литвицкий был первый, кого я встретил в стенах университета.

Его внешний вид несколько удивил меня. Я знавал студентов, когда они приезжали летом на каникулы; все они одевались небрежно, большинство носило цветные рубашки, не требовавшие галстуков, чёрные шляпы с широкими полями. У многих были густые вьющиеся волосы, и они любили держать их в беспорядке, говорили очень громко, резко, любили рубить с плеча; такая была мода, как мода на толстые палки, которые все носили в руках.

Попадались, разумеется, и франты, носившие модные пиджаки, широкие брюки и пёстрые галстуки; случались и цилиндры; но я уже заранее знал, что это отщепенцы, и сам, когда снял гимназический мундир, готовясь стать студентом, – тотчас перешёл из него в цветную косоворотку и в сапоги с высокими голенищами и старался как можно реже расчёсывать свои волосы.

И когда я увидел Литвицкого, в первую минуту я даже усомнился, что это студент. Он был невысокого роста, худощавый, тонкий и бледный, в лице у него было что-то бабье, может быть, оттого, что он брил щёки, усы и подбородок. На нём был длинный чёрный сюртук, застёгнутый на все пуговицы. Из-за сюртука выглядывал белый воротничок с чёрным галстуком. Всё это, как и шляпа-котелок, которую он держал в руке, прикрывая ею тоненькую палочку, не отличалось особенной свежестью, но было прилично. Гладкие волосы его, какие-то бесцветные, были тщательно причёсаны справа налево. В общем он напоминал скорее благообразного чиновника, чем студента.

Он первый обратился ко мне:

– Вы ищете канцелярию?

Я ответил утвердительно. Он указал мне; а когда я вышел, он, как мне показалось, ждал меня в коридоре.

Он задал мне ряд вопросов общего свойства: откуда? какой я выбрал факультет? чем думаю специально заняться? и прочее.

Голос у него был мягкий, несколько слабый, как бы выходивший из не совсем здоровой груди. Мы незаметно вышли на улицу и шли рядом.

– А вы... вы тоже студент? – спросил я, в свою очередь.

– Да, я на третьем курсе, я филолог.

"Какой странный студент", – подумал я.

Тем не менее мы с ним разговорились. Он дал мне несколько добрых советов насчёт того, где нанять квартиру, где столоваться, где доставать книги, познакомил с характером некоторых профессоров, и мы расстались с ним уже добрыми знакомыми.

Такова была моя первая встреча с Литвицким. После этого я не встречал его целую неделю, но зато в течение этого времени успел приобрести множество новых знакомых. Молодые знакомства делаются быстро и легко. Сперва я познакомился с своим курсом, а затем почти с целым университетом.

Я помню, это было на улице. Нас шла порядочная группа из университета в кухмистерскую, где мы все обедали. Тут были студенты разных курсов и факультетов. Шёл более или менее общий разговор, прерываемый остановками, когда дорогу пересекал извозчик или ломовик.

Я уже чувствовал себя вполне студентом, сразу усвоив себе все правила и требования новой среды, и сблизился с новыми товарищами.

Впереди нас, на расстоянии двухсот шагов, из переулка на улицу вышла тонкая тщедушная фигура в длинном сюртуке и шла нам навстречу. Я узнал Литвицкого.

Наше общество растянулось на всю улицу, и я видел, что Литвицкий, поравнявшись с товарищами, раза три приподнял свой котелок, на ходу здороваясь с ними. Некоторые ответили ему тем же, а другие вовсе не ответили. Точно так же поступили и те, что шли рядом со мной.

Это было непохоже на товарищескую встречу. Ни радушие, ни простоты, ни каких-нибудь двух-трёх наскоро брошенных приветственных слов, как будто это был посторонний университету человек.

Но, увидев меня, Литвицкий ласково улыбнулся и остановился.

– А, здравствуйте, – сказал он. – Я вас не видал целую неделю! Я был не совсем здоров.

Я тоже остановился и пожал его руку. Никто из товарищей, которые шли со мною, не последовал моему примеру. Мне даже показалось, что они посмотрели на меня с удивлением и пошли дальше.

Литвицкий задал мне несколько вопросов, самых простых и естественных. Как я устроился? Доволен ли столом? Свыкся ли с лекциями? Который из профессоров меня больше увлёл?

Я ответил ему и, заметив, что мои спутники отошли довольно далеко и скрылись за углом, стал торопливо прощаться, чтобы догнать их.

– Заходите, пожалуйста, ко мне! – сказал мне Литвицкий. – Я буду очень рад.

И он сообщил мне свой адрес. Я поблагодарил, и мы расстались.

Я нашёл всех уже в кухмистерской. Нас было четверо, обыкновенно сидевших за одним столом. Я занял своё место и заметил, что три товарища, до сих пор оживлённо о чём-то разговаривавших, при моём появлении замолкли. И из других мест изредка посматривали на меня с новым для меня любопытством.

Прошло несколько минут. Я почувствовал себя не совсем ловко. Наконец, один из товарищей, сидевший за столом со мной, спросил меня:

– Скажите, вы давно знакомы с Литвицким?

– С неделю! – ответил я. – Я первого его встретил, когда пришёл в университет. А что?

– Нет, ничего, просто так.

И мне больше ничего не сказали про Литвицкого.

А Литвицкий между тем, по-видимому, совсем оправился от нездоровья, стал ходить на лекции, и я его почти каждый день встречал в университете. Но я никогда не видал, чтобы он был в толпе товарищей и с кем-нибудь говорил. Он почти всегда был один. Разве новичок какой-нибудь подойдёт к нему и разговорится. Но и то только один раз. А потом уж больше не подходит.

Я сперва было подумал, что у него просто молчаливый характер, но из личных отношений убедился, что он, напротив, очень говорлив. Он любил историю и, когда мы встречались и разговор касался университетских лекций, много говорил о ней, увлекался и был красноречив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.